

УДК 343(094.4)

П. С. Метельский

Ленинский районный суд г. Новосибирска
ул. Титова, 184, Новосибирск, 630035, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsu.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ (СТАТЬЯ 303 УК РФ)

Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств как самостоятельные преступные действия впервые предусмотрена УК Российской Федерации 1996 года в ст. 303¹. К настоящему времени наработана определенная следственная и судебная практика по применению указанной нормы, однако остается еще немало спорных и достаточно сложных вопросов, относящихся к квалификации этих преступных деяний, наносящих существенный вред интересам правосудия и предварительного расследования².

Собственно термин «фальсификация» происходит от латинского falsificare – подделывать и понимается как «...подделка, подмена настоящего ложным, подлинного мнимым...» [11. С. 298–299], искажение чего-либо с целью «...выдать за подлинное, на-

стоящее», «подделанная вещь, выдаваемая за настоящую» [15. С. 779].

Следует особо отметить, что ст. 303 УК РФ устанавливает ответственность сразу за два преступления, которые, обладая известным сходством, тем не менее, отличаются друг от друга особенностями объекта преступного посягательства, предмета и субъекта преступления. Речь идет о фальсификации доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) и фальсификации доказательств по уголовному делу (ч. 2 и 3 этой же статьи). Необходимость разделения данных преступлений обусловлена также спецификой процессуальных форм получения и использования доказательств в рамках отправления правосудия по гражданским делам и осуществления производства по уголовным делам.

Основным непосредственным объектом преступления (применительно к ч. 1 ст. 303 УК) является нормальная деятельность суда по сбору, проверке и оценке доказательств по гражданскому делу. Преступные деяния, предусмотренные ч. 2, 3 ст. 303 УК, затрагивают не только интересы осуществления правосудия по уголовным делам, то есть деятельность суда, но и деятельность органов предварительного расследования в сфере уголовно-процессуального доказывания.

Основной непосредственный объект фальсификации доказательств может быть определен и как истина в гражданском или уголовном процессе. В свою очередь, И. В. Дворянсков понимает непосредственный объект данного преступления как «...общественные отношения по обеспечению поступления в распоряжение органов правосудия достоверных (вещественных и письменных) доказательств» [20].

¹ До этого подобные действия, при условии, если они совершались должностным лицом, обычно квалифицировались как должностной подлог или злоупотребление служебным положением (ст. 175, 170 УК РСФСР 1960 г.). В настоящее время аналогичные составы предусмотрены Уголовными кодексами Азербайджанской республики (ст. 294), Республики Беларусь (ст. 395), Республики Казахстан (ст. 348), Кыргызской республики (ст. 326), Латвийской республики (ст. 289), Республики Таджикистан (ст. 359).

² По данным А. В. Наумова [14. С. 696], в 1997 г. в России зарегистрировано 46 таких преступлений, в 1998 г. – 118, в 1999 г. – 210, в 2000 г. – 251, в 2001 г. – 292. Вместе с тем представляется, что официальная криминальная статистика даже приблизительно не отражает реального положения дел, и факты фальсификации доказательств совершаются в действительности значительно чаще.

В качестве дополнительного объекта могут быть выделены права и законные интересы граждан и организаций, нарушаемые в результате акта фальсификации доказательств. Предметом преступного посягательства являются доказательства по гражданским (ч. 1 ст. 303) и уголовным (ч. 2 ст. 303) делам. Поскольку диспозиция ст. 303 УК носит бланкетный характер, для уяснения сущности данного признака состава, имеющей исключительно важное значение с точки зрения квалификации, необходимо обратиться к ст. 55 ГПК, 64 АПК и 74 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 55 ГПК РФ, доказательствами по гражданскому делу являются «...полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов (ч. 2 ст. 55 ГПК).

Согласно ч. 1 ст. 64 АПК РФ «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела». При этом «в качестве доказательств допускаются письменные и вещественные доказательства, объяснения лиц, участвующих в деле, заключения экспертов, показания свидетелей, аудио- и видеозаписи, иные документы и материалы» (ч. 2 ст. 64 АПК).

В свою очередь, доказательствами по уголовному делу являются «...любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение по уголовному делу» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). При этом в качестве доказательств допускаются: 1) показания подоз-

реваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показания эксперта; 3¹) заключение и показания специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК).

Материалы конкретных уголовных дел, по которым были установлены факты совершения рассматриваемых преступлений, показывают, что предметом фальсификации по гражданским делам обычно являются различные документы (в частности гражданско-правовые договоры, расписки, корешки квитанций об оплате и т. п.). Так, например, по ч. 1 ст. 303 УК РФ осужден Г., который, как это установлено по делу, трижды обращался в суд с жалобами на якобы неправомерные действия сотрудников ГИБДД, представляя в обоснование своих требований поддельные договоры купли-продажи, счета-фактуры и квитанции к приходным кассовым ордерам [4].

По уголовным делам предметом фальсификации оказывались протоколы следственных действий (в том числе протоколы осмотра, выемки), а также показания свидетелей, обвиняемых (в этих случаях, разумеется, также изготавливаются подложные протоколы допросов). Кроме того, фальсификации подвергались заключения эксперта и вещественные доказательства (так, к одному из дел об убийстве для обоснования невиновности Б-ча было приобщено вещественное доказательство – охотничье ружье, которое якобы находилось у обвиняемого и по своим характеристикам заведомо не могло быть использовано при лишении жизни потерпевшего) [1].

При этом ч. 1 ст. 303 УК РФ распространяется только на гражданские дела, рассматриваемые судами общей юрисдикции (в том числе и мировыми судьями) в порядке, установленном ГПК РФ, а также арбитражные дела, рассматриваемые по правилам АПК РФ³. В то же время по этой норме не могут

³ См.: ст. 22 ГПК РФ и 27 АПК РФ. По мнению Ю. Щиголева [19. С. 11], ч. 1 ст. 303 УК охватывает и дела, рассматриваемые Конституционным Судом РФ по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод граждан, хотя он и оговаривает, что в этих случаях возможность предоставления фаль-

квалифицироваться действия по фальсификации документов, представляемых при разрешении спора третейским судом, а также материалов по делу об административном правонарушении⁴.

Объективная сторона характеризуется формальной конструкцией состава. Преступление считается оконченным в момент совершения деяния, состоящего в фальсификации доказательств, независимо от наступления реальных общественно опасных последствий в сфере правосудия или предварительного расследования. При этом возможны только активные действия, которые, в свою очередь, выражаются в подделывании, подмене доказательств [13. С. 138].

Фальсификация доказательств осуществляется в форме материального или интеллектуального подлога [16. С. 16]. При этом, как отмечает И. В. Дворянсков, фальсифицировать доказательства, т. е. фактические данные по делу, можно лишь путем воздействия на соответствующие носители информации, их искусственного создания или подмены [20].

Фактическое содержание фальсифицируемых доказательств может носить различный характер – они могут подтверждать или, напротив, опровергать искимые требования; оправдывать либо уличать подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления и т. д. Определяющее значение здесь имеет то, что на самом деле это «лжедоказательства», не соответствующие действительности по своей сути, либо изготовленные (сфабрикованные) вопреки установленному процессуальному порядку (последнее, в частности, может иметь место, когда лицо, производящее дознание, или следователь, «заочно», то есть без вызова и допроса свидетеля, составляет протокол допроса этого лица, содержание которого искусственно подгоняется под реально установленные обстоятельства).

сифицированных документов сведена до минимума.

⁴ В. П. Малков распространяет действие ч. 1 ст. 303 УК и на дела об административных правонарушениях, которые, как он считает, охватываются понятием «гражданское дело» [9. С. 699]. На наш взгляд, эта точка зрения, как и приведенное выше мнение Ю. Щиголева, не могут быть признаны основанными на законе.

При этом сущность фальсификации доказательств заключается в создании таких изменений в предмете, в результате которой он начинает нести ложную информацию обвинительного или оправдательного характера.

Однако полное или частичное уничтожение каких-либо доказательств не рассматривается как их фальсификация, поскольку в данном случае не происходит «... искусственное создание предмета или внесение изменений в существующий с тем, чтобы он нес ложную доказательственную информацию» [16. С. 17].

По мнению И. В. Дворянскова, в рамках данного состава преступления не возможна фальсификация показаний допрашиваемых лиц в «чистом виде», так как подобные действия подпадают под признаки ст. 307, ст. 302 или ст. 309 УК РФ. Следовательно, как указывает данный автор, воздействие на волю и сознание лица, дающего показания, не образует состава фальсификации доказательств, а эти показания не являются предметом рассматриваемого преступления [20].

Тем не менее факты составления фальсифицированных протоколов допросов свидетелей, причем с некоторым участием в этом самих допрашиваемых лиц, все-таки имеют место. Так, старший следователь прокуратуры одного из районов г. Новосибирска М., вызвав Г., без производства допроса составила протокол допроса последней в качестве свидетеля, в котором ею были зафиксированы данные, ставящие под сомнение ранее полученные доказательства виновности Б-ча в совершении убийства, противоречащие по своему содержанию протоколу допроса этого же свидетеля, ранее проведенного другим следователем, а также иным материалам уголовного дела. При этом Г. по указанию М. подписала составленный той от ее имени протокол допроса свидетеля, который в дальнейшем был приобщен к материалам уголовного дела, находящегося в производстве другого следователя этой же прокуратуры – Т.⁵

---

⁵ Органом предварительного следствия данные противоправные действия М. были расценены как непосредственное исполнение фальсификации доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении. Вместе с тем областной суд окончательно квалифицировал содеянное по ч. 4 и 5 ст. 33 и ч. 3 ст.

По этой же причине (а также с учетом ранее приведенных фактических данных, основанных на материалах конкретных уголовных дел) нельзя согласиться с суждением М. В. Рудова о том, что предметом преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ, не могут быть доказательства, перечисленные в ст. 307 УК РФ «Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод»⁶, тем более, что и сам этот автор отмечает, что «доказательства», рассматриваемые в контексте данной уголовно-правовой нормы, должны быть представлены в форме определенных уголовно-процессуальным законом объектов, несущих информацию о событии, в том числе протоколов следственных действий, заключений эксперта, вещественных доказательств и иных документов [16. С. 16]. Вместе с тем, вопреки мнению М. В. Рудова, к такого рода объектам и соответственно к предметам фальсификации доказательств не могут быть отнесены упоминаемые им в этом же перечне протоколы судебных действий, поскольку они не могут быть составлены ни одним из субъектов, указанных в диспозиции ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Следует отметить, что следственная практика в настоящее время ставит под сомнение наличие состава фальсификации доказательств по уголовному делу в случаях, когда лжедоказательства заведомо не могли использоваться в процессе доказывания (например, были получены неуполномоченным на то лицом, за пределами процессуальных сроков и т. д.).

---

303 УК РФ – как подстрекательство и пособничество в фальсификации доказательств, мотивировав это тем, что уголовное дело, по которому был составлен фиктивный протокол допроса Г., находилось в производстве другого следователя, и в случае отказа последнего от приобщения указанного документа к материалам дела, он не мог иметь какого-либо процессуального значения и использоваться как фальсифицированное доказательство [1].

⁶ В редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ данная статья называется: «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

Достаточно спорным является определение момента окончания преступления применительно к фальсификации доказательств по гражданскому делу, поскольку они, хотя и представляются сторонами, однако вопрос об их статусе (т. е. о принятии или непринятии в качестве доказательств) окончательно разрешается судом. По мнению Ю. Щиголева, «... фальсификация доказательств по гражданскому делу заключается в изготовлении соответствующего фиктивного документа и предъявлении его суду» [19. С. 12]. При этом, как полагает данный автор, фабрикация тех доказательств, которые по тем или иным причинам не были приняты судом и не рассматривались в качестве доказательств, также в полной мере образует состав рассматриваемого преступления [19. С. 12]. Эта точка зрения представляется заслуживающей внимание, но в следственной практике подобные ситуации зачастую рассматриваются не как оконченное преступление, а как приготовление к фальсификации доказательств (поскольку же преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 303 УК РФ, относится к преступлениям небольшой тяжести, приготовление к такому деянию в силу положений ч. 2 ст. 30 УК вообще исключает возможность привлечения к уголовной ответственности).

Ю. Щиголев справедливо указывает на то, что фабрикация документов или иных материальных объектов, являющихся поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, фальсификация материалов об отказе в возбуждении уголовного дела не образуют состава преступления, предусмотренного ч. 2 или ч. 3 ст. 303 УК РФ [19. С. 13], поскольку в этих случаях еще нет уголовного дела. Однако нельзя согласиться с мнением автора о том, что не влекут уголовной ответственности по рассматриваемой норме также «...действия по фальсификации документов, используемых при принятии решения об освобождении лица от уголовной ответственности на основании ст. 75–78 УК» [19. С. 13], во всяком случае, если такие решения принимаются в рамках уже возбужденного уголовного дела.

С субъективной стороны рассматриваемые преступные деяния предполагают только прямой умысел. Виновный сознает, что он фабрикует доказательства по гражданскому или уголовному делу и желает действовать таким образом. Мотивами преступления мо-

гут быть личная заинтересованность, корысть и иные побуждения, не влияющие на квалификацию (однако все это должно учитываться при назначении наказания). Субъект преступления является специальным. Применительно к фальсификации доказательств по гражданскому делу это достигшие 16-летнего возраста и вменяемые лица, участвующие в деле, и их представители⁷. Субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу могут быть прокурор, следователь, лицо, производящее дознание (по действующему уголовно-процессуальному законодательству – дознаватель), и защитник⁸. Кроме того, по смыслу ст. 39 УПК РФ к числу субъектов преступления следует отнести и начальника следственного отдела, который при принятии дела к своему производству пользуется всеми процессуальными полномочиями следователя.

Квалифицирующие признаки установлены ч. 3 ст. 303 УК. К ним относятся: 1) фальсификация доказательств по уголовному делу о тяжком или об особо тяжком преступлении; 2) фальсификация доказательств (причем как по уголовному, так и по гражданскому делу)⁹, повлекшая тяжкие последствия.

Критерии отнесения преступлений к категориям тяжких и особо тяжких изложены в ст. 15 УК. При этом необходимо учитывать как преступление, по признакам которого возбуждено данное уголовное дело, так и существо подозрения, возникшего в отношении конкретного лица (его уголовно-правовую оценку), а также и уголовно-правовую формулу предъявленного обвинения.

Тяжкие последствия – понятие оценочное. К таким последствиям может быть отнесено осуждение лица в результате фальсификации доказательств к длительному сроку лишения свободы, к пожизненному лишению свободы

или к смертной казни; самоубийство или тяжкая болезнь подозреваемого или обвиняемого, если они связаны с избранием на основании фальсифицированных доказательств меры пресечения в виде содержания под стражей; оправдание виновного, причинение особо крупного имущественного ущерба, банкротство предпринимателя и т. д. [9. С. 536] Всегда требуется установить наличие причинной связи между фактом фальсификации доказательств по уголовному или гражданскому делу и наступлением тяжких последствий. При этом существующая формулировка закона допускает только умышленную форму вины по отношению к факту наступления тяжких последствий¹⁰.

Применительно к фальсификации доказательств по гражданскому делу (ч. 1 ст. 303 УК РФ) нередко возникает вопрос об ограничении данного состава от подделки официальных документов, т. е. преступления, предусмотренного ст. 327 УК. В связи с этим Ю. Щиголев отмечает, что «в случае подделки официального документа с целью использования его в качестве доказательства по гражданскому делу безусловное предпочтение должно отдаваться ст. 303 УК. Этот случай составляет конкуренцию общей и специальной нормы: специальная норма отменяет действие общей». Вместе с тем, если фальсификация документов-доказательств и их подлог каким-либо образом сочетаются, в том числе подлог предшествует использованию фиктивных документов в судебном разбирательстве, будет обоснованной квалификация таких преступлений по совокупности [19. С. 13].

Фальсификация доказательств по гражданскому делу зачастую бывает сопряжена с мошенничеством или покушением на мошенническое завладение чужим имуществом (правом на чужое имущество). В частности, это имеет место тогда, когда субъект, дейст-

⁷ См.: ст. 34 ГПК РФ и 40 АПК РФ.

⁸ Ст. 289 УК Латвийской Республики к субъектам фальсификации доказательств относит как лиц, производящих досудебное расследование, так и судей [17. С. 269].

⁹ А. Ю. Красиков считает, что ч. 3 ст. 303 УК устанавливает квалифицирующие признаки лишь в отношении фальсификации доказательств по уголовному делу [8. С. 856–857].

¹⁰ Следует отметить, что в УК Республики Таджикистан (п. «б» ч. 3 ст. 359) в качестве квалифицирующего признака аналогичного преступления предусматривается фальсификация доказательств по уголовному делу, повлекшая по неосторожности тяжкие последствия [18. С. 360]. В ч. 2 ст. 289 УК Латвийской Республики выделяется совершение фальсификации доказательств в корыстных целях [17. С. 269].

вуд с корыстной целью, представляет в суд сфабрикованные документы, о наличии задолженности или каких-либо неисполненных обязательств имущественного характера у стороны, выступающей в качестве ответчика. При этом он, вводя суд в заблуждение относительно якобы имевшихся у него прав в отношении чужого имущества, фактически пытается использовать указанный орган как одно из звеньев в механизме мошеннических действий, тем самым нанося очевидный ущерб и интересам правосудия. Подобные противоправные действия, на наш взгляд, образуют совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 303 и 159 (30, 159) УК РФ, тем не менее суды без достаточных оснований нередко рассматривают фальсификацию лишь как способ мошенничества, исключая ст. 303 УК из обвинения.

Что касается фальсификации доказательств по уголовному делу, то это преступление необходимо отграничивать от служебного подлога, предусмотренного ст. 292 УК РФ. Основные отличия данных составов касаются характеристики их непосредственного объекта (в служебном подлоге таковым являются интересы государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления), а также предмета преступления (предмет служебного подлога – официальные документы). Кроме того, в отличие от фальсификации доказательств, обязательным признаком состава служебного подлога, является наличие специальной цели таких действий – корыстной или иной личной заинтересованности. Различаются и субъекты указанных преступлений: в служебном подлоге – должностное лицо, государственный служащий или служащий органа местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами.

Тем не менее при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел зачастую устанавливается реальная совокупность фальсификации доказательств и служебного подлога.

Например, как фальсификация доказательств по уголовному делу были квалифицированы действия следователя прокуратуры одного из районов Новосибирской области Г., сфабриковавшего заключение судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств и ряд протоколов следственных действий (допросов свидетелей и обвиняе-

мых, обыска, осмотра места происшествия и вещественных доказательств по делам, находившимся в его производстве. Вместе с тем изготовление им поддельных постановлений о назначении экспертизы, производстве обысков, протоколов разьяснения права на защиту и ознакомления обвиняемых с постановлениями о назначении экспертиз, которые не относятся к числу доказательств, были квалифицированы как служебный подлог [2].

В судебно-следственной практике не до конца ясен вопрос о том, можно ли рассматривать как фальсификацию доказательств по уголовному делу действия недобросовестных оперативных работников, которые вместо реального исполнения поручения следователя о производстве следственных действий, составляют подложные протоколы, приводя в них заведомо вымышленные данные. Очевидно, что в соответствии с нормами УПК, протоколы следственных действий, выполненных работниками органов дознания в порядке исполнения поручения следователя, а также полученные ими показания свидетелей и т.д., представляют собой источники доказательств. Таким образом, предметы вышеупомянутых противоправных действий и фальсификации доказательств по уголовному делу полностью идентичны. Но при определении субъекта указанного преступления законодатель не упоминает о должностных лицах органов дознания, исполняющих поручения следователя. В связи с этим подобные лица при совершении ими фальсификации доказательств, не рассматривались судами как субъекты преступных деяний, предусмотренных частями 2, 3 ст. 303 УК, так как их фактически нельзя было признать ни лицами, производящими дознание, ни следователями. Так, Новосибирский областной суд в 2001 г. переквалифицировал действия оперуполномоченного ОУР одного из отделов милиции Ш., которому органом предварительного следствия было инкриминировано преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 303 УК РФ, по ст. 292 УК. По делу установлено, что этот оперуполномоченный, получив для исполнения отдельное поручение следователя о производстве обыска в доме родителей подозреваемого в совершении убийства, не желая утруждать себя «лишней» работой, уклонился от выполнения данного следственного действия. Им был составлен фиктивный протокол обыска с отметкой о том,

что предметы, имеющие значение для дела, не удалось обнаружить, причем в качестве понятых были указаны лица, находящиеся в местах лишения свободы, за которых он сам и расписался [3]. В настоящее время положение изменилось, так как УПК РФ предусматривает новую категорию – «дознаватель» (п. 7 ст. 5; ст. 41 УПК), которая, как представляется, может быть применена как к должностным лицам, производящим собственно дознание, так и наделенным иными полномочиями, в том числе и по выполнению поручений следователя. Диспозиция ч. 2 ст. 303 УК РФ в этой части, безусловно, должна быть приведена в соответствие с положениями нового УПК.

В некоторых случаях возникает необходимость в отграничении фальсификации доказательств по уголовному делу от злоупотребления должностными полномочиями. Так, следователь прокуратуры К. принудил лицо, подлежавшее привлечению в качестве обвиняемого, подписать незаполненные бланки постановления о привлечении в качестве обвиняемого, протоколов допроса обвиняемого и других процессуальных документов. В дальнейшем этот следователь намеревался внести в бланки устраивавший его текст, совершив противоправные действия с целью избавиться себя от работы, связанной с объективным, полным и всесторонним исследованием дела, однако материалы уголовного дела были у него изъяты. Необходимо отметить, что указанные противоправные действия не образовывали состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК, поскольку им так и не были сформированы фиктивные доказательства. Вместе с тем с учетом приведенного выше мотива их совершения, а также существенного нарушения в результате этого законных прав потерпевшего на защиту, в том числе гарантированных Конституцией РФ, данное должностное лицо было привлечено к уголовной ответственности и осуждено по ч. 1 ст. 285 УК РФ [7].

В случае если совершение фальсификации доказательств по уголовному делу было обусловлено получением незаконного имущественного вознаграждения, содеянное субъектом (при условии, что он является должностным лицом) подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 (или ч. 3) ст. 303 и ст. 290 УК РФ – полу-

чение взятки. При этом обязательно присутствует квалифицирующий признак – получение взятки за незаконные действия (ч. 2 ст. 290 УК).

Может также иметь место совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 или ч. 3 ст. 303, ст. 300 либо ст. 299 УК РФ в том случае, когда фабрикация доказательств происходит для обоснования незаконного процессуального решения (постановления о прекращении уголовного дела или производства по делу в отношении конкретного подозреваемого или обвиняемого, либо постановления о привлечении в качестве обвиняемого).

Возможна и совокупность фальсификации доказательств, незаконного освобождения от уголовной ответственности и злоупотребления должностными полномочиями. Так, преступления, предусмотренные ст. 300, ч. 3 ст. 303 и ч. 1 ст. 285 УК РФ, были установлены в действиях М., следователя следственного отдела при Калининском РОВД г. Новосибирска. М., расследуя уголовное дело по факту умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, несмотря на наличие доказательств, свидетельствующих о причастности к содеянному конкретного подозреваемого, руководствуясь личными побуждениями, сначала необоснованно приостановил предварительное следствие, а затем фальсифицировал протокол допроса потерпевшего, сказав в нем действительную картину произошедшего, и незаконно прекратил дело [4].

По таким делам может иметь место и соучастие в совершении преступления, в том числе со стороны специальных субъектов. Так, один из районных прокуроров Новосибирской области Ш-й, используя свои процессуальные полномочия вопреки интересам службы, действуя из личной заинтересованности, организовал фальсификацию доказательств по уголовному делу о хищении зерна председателем акционерного общества Ф., одновременно являвшегося депутатом районного Совета, которое находилось в производстве следователя следственного отдела при районном отделе внутренних дел Л., причем последний выступил в качестве исполнителя фальсификации доказательств. В результате данных противоправных действий было сфабриковано значительное количество подложных доказательств, включая протоколы допросов, а также бухгалтерских документов, которые якобы были изъяты при

производстве выемок, и на основании этого в дальнейшем было принято незаконное решение о прекращении уголовного дела за отсутствием состава преступления. Приговором областного суда Ш-й признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 33, ч. 2 ст. 303, ч. 1 ст. 285 УК РФ, а Л. – ч. 2 ст. 303 УК РФ [5]¹¹.

Необходимо особо отметить, что современная судебная практика исходит из того, что установление факта фальсификации доказательств по уголовному делу должно основываться на вступившем в законную силу обвинительном приговоре суда по делу, по которому такая фальсификация была допущена. Представляется, что этот подход не безупречен, так как фальсификация доказательств может иметь место и по делу, расследование по которому в дальнейшем прекращается или приостанавливается, что отнюдь не противоречит формальной конструкции рассматриваемого состава преступления.

В. Л. Лобанова предлагает установить в ст. 303 УК РФ ответственность не только за применение тех способов искажения или сокрытия истины, которые охватываются термином «фальсификация доказательств», но и за использование с этой же целью иных приемов воздействия на содержание или форму доказательств, а также за отказ либо уклонение от процессуального закрепления полученных фактических данных или от приобщения к материалам дела имеющих доказательственное значение документов [12. С. 18, 36–37].

Данное предложение, на наш взгляд, безусловно, заслуживает внимания, так как ныне действующее уголовное законодательство никак не оговаривает эти действия, общественная опасность которых представляется очевидной. Тем не менее, и уже с точки зрения практики, имеются достаточно серьезные сомнения относительно возможности дока-

зывания в таких случаях прямого умысла субъекта на совершение противоправного деяния. Наряду с этим, необходимо предусмотреть в ст. 303 УК РФ уголовную ответственность и за уничтожение или сокрытие доказательств, так как подобные действия, как уже отмечалось, не охватываются понятием «фальсификация»¹².

Список литературы

Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 2-126-98.

Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 2-31-2000.

Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 2-93-2001.

Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 2-94/2003.

Архив Новосибирского областного суда. Уголовное дело № 2-67/2004.

Архив Федерального суда общей юрисдикции Октябрьского района г. Новосибирска. Уголовное дело № 1-669/2003.

Архив Федерального суда общей юрисдикции Чулымского района Новосибирской области. Уголовное дело № 1-40-2001.

Игнатов А.Н., Красиков А.Ю. Курс российского уголовного права. М., 2002. Т. 2: Особенная часть.

Комментарий к УК РФ / Отв. ред. А. И. Рарог. М., 2004.

Комментарий к УК РФ / Под общ. ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1997.

Краткий словарь иностранных слов / Сост. С. М. Локшина. М., 1978.

Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 2000.

Лобанова Л. В. Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999.

¹¹ Данные действия не образовывали состав преступления, предусмотренный ст. 300 УК РФ, поскольку Ф., в отношении которого фактически расследовалось незаконно прекращенное уголовное дело, тем не менее, формально не обладал статусом подозреваемого, а обвинение в содеянном на том этапе предварительного следствия ему также не предъявлялось.

¹² Вместе с тем ст. 289 УК Латвийской Республики «Фальсификация доказательств» предусматривает ответственность как за создание заведомо ложных доказательств, так и за сокрытие имеющихся доказательств [17. С. 269].

Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2004. Т. 2.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.

Рудов М. В. Уголовно-правовые средства охраны истины в уголовном судопроизводстве: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002.

Уголовный кодекс Латвийской Республики. / Пер. с лат. СПб., 2001.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001.

Щиголов Ю. Ответственность за фальсификацию доказательств // Законность. 1999. № 10.

Электронный ресурс:
<http://www.optim.ru/bh/2003/2/dvoryanskov/dvoryanskov.asp>.

Материал поступил в редколлегию
27.10.2005